

ИЗ ГАЗЕТ

(К генезису замысла «Моцарта и Сальери»)

Александр Долинин

Как мы знаем из дневника М.П. Погодина, 10 сентября 1826 г., то есть через два дня после возвращения из ссылки в Москву, Пушкин, рассказывая Вeneвитинову о своих новых произведениях и замыслах, назвал среди них и «Моцарта и Сальери». Вопрос о том, откуда Пушкину к осени 1826 г. стала известна легенда об отравлении Моцарта его завистливым соперником, давно занимает любознательные умы. Ясно, что немецкие и итальянские журналы 1824–1826 гг. (главным образом, музыкальные), в которых, как установили исследователи, изредка упоминались слухи о самооговорах повредившегося умом Сальери, якобы признавшегося в убийстве¹, в круг чтения Пушкина не входили, а среди его собеседников в Михайловском не было знатоков, способных ему об этих слухах рассказать. Поэтому можно с полной уверенностью предположить, что какие-то сообщения о признаниях Сальери дошли до Пушкина еще до высылки в Михайловское, весной или в начале лета 1824 г. в Одессе.

Восемьдесят лет назад В.А. Францев вскользь заметил, что легче всего Пушкин мог узнать легенду из французских газет². Однако до сих пор была найдена лишь одна французская публикация, имеющая отношение к делу: письмо в защиту Сальери немецкого композитора Сигизмунда Нейкома (Sigismond Neukomm), напечатанное в парижской газете “Journal des Débats” 17 апреля 1824 г.³ В это время Нейком жил в Париже, что подтверждается и пометой в письме: «Париж. 15 апреля 1824 г.». Указанная дата имеет большое значение, ибо именно 15 апреля в той же “Journal des Débats” появилась следующая заметка, оставшаяся незамеченной как биографами Сальери, так и комментаторами «маленьких трагедий»:⁴

Un journal parle aujourd’hui de l’empoisonnement de Mozart par Salieri, comme d’un fait avéré. Voici ce qu’écrit de Vienne un artiste qui voit fréquemment l’illustre compositeur, dont on veut faire un Desrues ou un Castaing: “Nous avons été fort étonnés de lire dans plusieurs journaux de France, et même d’Allemagne, que Salieri s’étoit coupé la gorge dans un hôpital de Vienne où il avoit loué une chambre tout exprès. Ce vieillard vit toujours au milieu de sa famille dont il est aussi soigné que chéri. Mais il est vrai que l’âge a un peu altéré sa raison. Et voici une preuve bien singulière: Une de ses manies est de tirer à l’écart toutes les personnes de sa connoissance, et de leur dire avec une physio-

nomie toute riante: "J'ai une petite confidence à vous faire; c'est moi, mon cher, qui empoisonné Mozart, parce que j'en étois excessivement jaloux; mais je vous avoue que je n'en ai pas le moindre remords, puisque cela ne m'empêche pas de faire de tres jolis canons." Tous ceux à qui il a fait cet étrange aveu, n'y ont vu qu'un acte de démeance. Qu'y a-t-il dans la vie entière de Salieri qui puisse se concilier avec l'horreur d'un pareil forfait? Qu'il ait été jaloux du sublime auteur de *Don Juan*, c'est ce qu'il n'est que trop facile de croire; mais, entre la jalousie et l'assassinat, il y a encore, grâce au ciel, un grand intervalle à franchir. Salieri a toujours passé pour avoir des sentimens honnêtes et des moeurs douces.

[Сегодня в одной газете говорится об отравлении Моцарта, совершённом Сальери, как об установленном факте⁵. Вот что пишет из Вены музыкант, часто встречающийся с прославленным композитором, из которого хотят сделать какого-то Дерю или Кастена⁶: «Мы были сильно удивлены, прочитав в нескольких французских и даже немецких газетах, что Сальери перерезал себе горло в венской больнице, где он срочно нанял отдельную палату⁷. Сей старец постоянно живет в кругу семьи, окруженный заботой и любовью⁸. Однако верно, что старость несколько помутила его разум. Вот весьма необычное подтверждение этому. Одна из его причуд состоит в том, что он отводит в сторону всех своих знакомых и говорит им с веселой миной на лице: "Я должен раскрыть вам маленькую тайну: именно я, мой дорогой, отравил Моцарта, потому что чрезмерно ему завидовал; но, признаюсь вам, я не испытываю ни малейших урызаний совести, потому что это не мешает мне сочинять прелестные каноны". Все те, кому он сделал свое странное признание, расценивают его как проявление безумия⁹. Есть ли во всей жизни Сальери такое, что можно было бы совместить с ужасом подобного злодейства? В то, что он завидовал возвышенному автору "*Дон Жуана*", очень легко поверить; но между завистью и убийством нужно еще, слава Богу, преодолеть огромное расстояние. Сальери же всегда слыл за человека достойных чувств и доброго нрава.»]

По всей вероятности, письмо Нейкома, в котором утверждалось, что «никто никогда не подозревал Сальери в чувстве зависти по отношению к Моцарту» ("*Jamais personne n'avoit soupçonné Salieri d'un sentiment de jalousie envers Mozart*"), было прямым ответом на инсинуации венского анонима. Однако как раз то обстоятельство, что мотив зависти к «возвышенному» творцу выведен анонимом на первый план, заставляет обратить особое внимание на заметку в "*Journal des Débats*" как на возможный источник замысла «Моцарта и Сальери» (напомним, что первоначально Пушкин дал «маленькой трагедии» название «Зависть»). Если знакомство Пушкина с письмом Нейкома всегда считалось весьма вероятным¹⁰, это суждение следует отнести и к заметке, опубликованной на страницах той же газеты двумя днями ранее.

Венский аноним не сомневается в том, что Сальери завидовал Моцарту, и по сути дела оставляет открытым вопрос, могла ли зависть к гению оказаться достаточным мотивом для убийства. У Пушкина не

было причин не доверять свидетельствам человека, который выдал себя за хорошего знакомого Сальери. В признаниях завистника, который весело рассказывает о совершённом преступлении и нисколько не раскаивается в содеянном, ибо после смерти соперника ничто не мешает ему сочинять «преlestные каноны», Пушкин, вероятно, увидел не сенильную фантазию, а страшное свидетельство о силе зависти, когда ее предметом становится не богатство, положение или успех, а данный от Бога творческий дар. Один из собеседников Бетховена, обсуждая с ним признания Сальери, сказал, что верит им, потому что «дети и безумцы говорят правду»¹¹. По-видимому, примерно так же воспринял самооговоры безумного композитора и Пушкин.

С 1826 по осень 1830 г., когда Пушкин в Болдино написал «Моцарта и Сальери», в европейской печати не появилось никаких новых сообщений, которые связывали бы Сальери со смертью Моцарта. Более того, если Пушкин интересовался историей вопроса и собирал музыкально-литературный материал для будущей «маленькой трагедии», он должен был узнать, что все авторитетные журналы писали о признаниях Сальери как о «бреде, в который мог поверить только сам немощный и повредившийся умом старик»¹², и что легенда об отравлении Моцарта не нашла документального подтверждения, была многократно опровергнута всеми музыкальными авторитетами и к концу 1820-х гг. сошла на нет.

Почему же в таком случае Пушкин не отказался от своего старого замысла и, наперекор фактам и утвердившемуся мнению, представил Сальери отравителем?

Определенную роль здесь, вероятно, сыграла вышедшая в 1828 г. немецкая биография Моцарта, написанная при участии вдовы композитора Констанцы ее вторым мужем Георгом Николаусом фон Ниссенем. Из рецензий на эту книгу во французских и английских журналах (и/или из рассказов русских меломанов) Пушкин мог узнать две важные подробности, имеющие отношение к замыслу «Моцарта и Сальери». Во-первых, в биографии отмечалось, что Сальери был злейшим врагом Моцарта и, в частности, всеми силами старался воспрепятствовать успеху «Женитьбы Фигаро» в Вене, так что Моцарт во время спектакля даже жаловался на него императору. Во-вторых, в ней подтверждался рассказ Ф. Нимечека, первого биографа Моцарта, сообщившего, что последний сказал жене незадолго до смерти: «Меня отравили». Комментируя эти сведения, рецензент английского журнала "The Foreign Quarterly Review" заметил: «Какое-то время в этом преступлении подозревали Сальери из-за пылких чувств некоторых друзей Моцарта, которые знали, что Сальери – неумолимый враг композитора, и полагали, что, следовательно, он способен на по-

добное злодеяние [*“therefore supposed him capable of the atrocity”*]. Более рассудительные отнесли к словам Моцарта как к чистому плоду его воображения»¹³.

По мнению британского критика, мыслящего в категориях юридической логики, ни театральные козни Сальери, ни страхи тяжелобольного Моцарта не дают ни малейших оснований для подозрений в убийстве. Пушкин же, поверивший в морально-психологическую достоверность признаний Сальери, должен был увидеть в новых для него биографических фактах сильный аргумент в пользу легенды об отравлении. В черновой заметке-мистификации, известной под редакторским названием «О Сальери» (не ранее 1832 г.), он писал:

В первое представление Дон Жуана, в то время когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта – раздался свист – все обратились с негодованием, и знаменитый Салиери вышел из залы – в бешенстве, снедаемый завистию.

Салиери умер лет 8 тому назад. Некоторые нем.<ецкие> журн.<аль> говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении – в отравлении великого Моцарта.

Завистник, который мог освистать Д.<он> Ж.<уана>, мог отравить его творца (XI, 218).

Если неведомые Пушкину немецкие журналы заменить на “*Journal des Débats*”, а придуманный им свист¹⁴ – на скандал вокруг премьеры «Женитьбы Фигаро», упомянутый в биографии фон Ниссена, то ход его мысли при сопоставлении реальных источников становится вполне понятным: кажется, Пушкин действительно считал, что завистник, отравляющий жизнь гению, может и должен быть заклеимлен как отравитель.

п р и м е ч а н и я

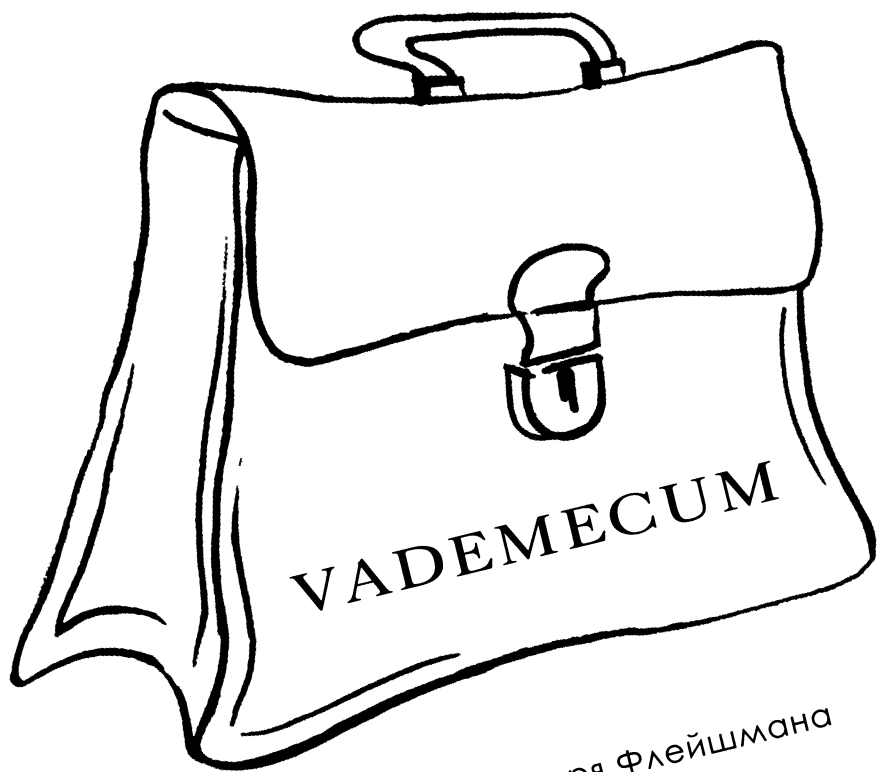
- ¹ Большая часть этих публикаций воспроизведена в огромном своде материалов к биографии Сальери, составленном Рудольфом Ангермюллером: Antonio Salieri. Dokumente seines Lebens unter Berücksichtigung von Musik, Literatur, Bildender Kunst, Architektur, Religion, Philosophie, Erziehung, Geschichte, Wissenschaft, Technik, Wirtschaft und täglichem Leben seiner Zeit. Gesammelt und erläutert von Rudolph Angermüller. Bd. III: 1808–2000. Bad Honnef: K.H. Bock, 2000. S. 265–317.
- ² В.А. Францев. «К творческой истории “Моцарта и Сальери”». Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Ročník X. Praha, 1931. Str. 322–323.
- ³ Фрагменты письма в русском переводе приведены в комментариях М.П. Алексеева к «Моцарту и Сальери»: А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 7: Драматические произведения. Л., 1935. С. 528–529. Письмо Нейкома было перепечатано в нескольких европейских изданиях, включая указанную Алексеевым «Берлинскую всеобщую музыкальную газету» (Berliner Allgemeine Musikalische Zeitung, No. 19 (12 Mai 1824). S. 172). Особо отметим перепечатку в брюссельском журнале “*Annales Beligiques des sciences, arts et littérature*” (Vol. XIII (1824, premier semestre). P. 169) под заголовком «Моцарт и Сальери» и с преамбулой, где в частности говорилось: “Les journaux français ont annoncé que Salieri, au lit de mort, s’était accusé d’avoir empoisonné Mozart. Le motif de ce

crime aurait été la jalousie que les beaux ouvrages et les brillants succès de Mozart auraient inspirée à son rival de gloire et de talens” (букв. пер.: «Французские газеты сообщили, что Сальери на смертном одре обвинил себя в том, что он отравил Моцарта. Мотивом сего преступления была зависть, которую прекрасные сочинения и блестящие успехи Моцарта вызвали у его соперника по славе и талантам»). Под тем же заголовком перевод письма позднее был напечатан и в английском музыкальном журнале “The Quarterly Musical Magazine and Review” (Vol. VIII. No. 31 (1826). P. 336-337). Как ни странно, письмо Нейкома в капитальном труде Ангермюллера не упоминается.

- 4 Четыре дня спустя перевод заметки без ссылки на источник был помещен в разделе “The Mirror of Fashion” лондонской газеты “The Morning Chronicle” (No. 17161. 1824. April 19) под заголовком «Отравление Моцарта» (“Mozart Poisoned”). Обе публикации не отражены в современной литературе о Сальери.
- 5 К сожалению, мне пока не удалось установить, о какой газете здесь идет речь.
- 6 Имеются в виду самые известные французские отравители. Антуан-Франсуа Дерю (1744–1777) был сожжен на костре за то, что убил двух человек, подмешав яду в шоколад. В ноябре 1823 г. вся европейская печать широко освещала процесс доктора Эдме Кастена (1796–1823), обвинявшегося в том, что он убил своего близкого друга, напоив его за ужином отравленным вином, а затем отравил брата своей жертвы. Кастена признали виновным и 6 декабря гильотинировали. Чрезвычайно громкое дело Кастена создало тот фон, на котором возникли как слухи о преступлении Сальери, так и пушкинская версия убийства Моцарта. Пушкин упомянул казнь «лекаря Кастена» в заметке о записках парижского палача Сансона, напечатанной анонимно в «Литературной газете» 21 января 1830 г. (XI, 95).
- 7 Слух о том, что Сальери вскоре после помещения в больницу перерезал себе горло, зафиксирован в так называемых «Разговорных тетрадах» Бетховена во второй половине ноября 1823 г. (Ludwig van Beethoven. Konversationshefte. Bd. 4. Herausgegeben im Auftrag der Deutschen Staatsbibliothek Berlin von Karl-Heinz Köhler und Grita Herre unter Mitwirkung von Ignaz Weinmann. Leipzig, 1968. S. 259; Antonio Salieri. Dokumente seines Lebens. S. 260). 18 ноября 1823 г. лондонская газета “The Morning Chronicle” со ссылкой на неназванную венскую газету сообщила, что Сальери покончил жизнь самоубийством. Ложное известие о смерти Сальери получило тогда столь широкое распространение, что английский музыкальный журнал “The Harmonicon” даже успел поместить его некролог (Vol. I. No. 11 (November 1823). P. 158). Сальери умер более года спустя, 7 мая 1825 г.
- 8 Эти сведения не соответствуют действительности. На самом деле в октябре 1823 г. состояние здоровья Сальери резко ухудшилось – у него отнялись ноги и развился сильнейший старческий психоз, из-за чего его пришлось поместить в больницу, где он оставался до самой смерти (см.: Volkmar Braunbehrens. Maligned Master: The Real Story of Antonio Salieri. Trans. from the German by Eveline L. Kanes. N.Y.: Fromm Int. Pub. Corp., 1992. P. 228). В ноябре того же года лейпцигская музыкальная газета сообщила: «Главный капельмейстер Сальери тяжело болен и едва ли поправится. Старость произвела самое разрушительное действие как на его тело, так и на его разум. Такова общая судьба человека. Senectus ipsa est morbus! [Старость сама по себе болезнь!])» (Allgemeine musikalische Zeitung, No. 47 (19 November 1823). Sp. 766; цит. по: Antonio Salieri. Dokumente seines Lebens. S. 260).
- 9 Рассказ анонима о признаниях Сальери явно вымышлен. Состояние здоровья Сальери в больнице было настолько тяжелым, что посетители к нему допускались только с особым разрешением городских властей. Об этом вспоминал богемский пианист и композитор Игнац Мошелес, посетивший Сальери, своего учителя, примерно через месяц после помещения его в больницу. Во время визита Мошелеса сознание Сальери было довольно ясным, и он категорически опроверг слухи о причастности к отравлению Моцарта (Aus Moscheles Leben. Nach Briefen und Tagebüchern herausgegeben von

seiner Frau [Charlotte]. Bd. I. Leipzig: Duncker & Humbolt, 1872. S. 84-85; Antonio Salieri. Dokumente seines Lebens. S. 262).

- ¹⁰ См. в комментариях М.П. Алексеева: «Интерес его к 'Journal des Débats' еще в эпоху его одесской жизни делает вероятным знакомство Пушкина с письмом Нейкома» (А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 7. С. 529). Алексеев предполагает также, что в Одессе до Пушкина могли дойти сведения и о пространном, хорошо аргументированном письме в защиту Сальери итальянского музыкального критика Джузеппе Карпани, что неверно, ибо это письмо было опубликовано лишь в сентябре 1824 г. (см.: *Biblioteca Italiana o sia Giornale di Letteratura, Scienze ed Arti*. Tomo XXXV. No. 9 (Agosto e Settembre 1824). P. 262-276).
- ¹¹ Ludwig van Beethoven. *Konversationhefte*. Bd. 5. Leipzig, 1970. S. 136.
- ¹² *Allgemeine musikalische Zeitung*. No. 21 (25 Mai 1825). Sp. 349-350; цит. по: Antonio Salieri. *Dokumente seines Lebens*. S. 304.
- ¹³ *The Foreign Quarterly Review*. Vol. VIII (August 1829). P. 433 (курсив автора).
- ¹⁴ Подоплека пушкинской мистификации раскрыта в заметке Б.А. Каца «Кто и где свидетель?»: Б.А. Кац. Одиннадцать вопросов к Пушкину. Маленькие гипотезы с эпиграфом на месте послесловия. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 81-89.

К 65-летию Лазаря Флейшмана

ВОДОЛЕЙ
Москва
2010